

А началось все с «Вальпургиевой ночи». Евгению Славутину принесли еще полу-черновую рукопись, он в упоении текстом тут же начал ставить спектакль и хотел, естественно, встретиться с автором. Но знающие люди предупреждали: «Не ходи к Ерофееву, он непредсказуем, еще с лестницы тебя спустит».

Славутин быть спущенным с лестницы испугался и к Ерофееву не поехал. Но спектакль, один из гвоздей тогдашнего московского театрального сезона, поставил.

Ерофеев был уже смертельно болен. После премьеры признался, что не мог поверить, что его текст — полный, без купюр — будет звучать со сцены.

Его оценка происшедшего была такой: «Как в фигурном катании: 5.7, 5.8, 5.9». И в этом — всегдашняя ерофеевская точность и деликатность: все же не 6.0...

* * *

«Все мы вышли из «Петушкова» — это не только надпись на первой изданной в Отечестве антологии поэтов новой волны, подаренной в тот год Ерофееву. Это правда.

И дожидаться подобного текста от нас тогдашних — никого и ничего не признававших гениев — только он, видимо, и мог.

* * *

Венедикт Ерофеев умер 11 мая 1990 года, мучительно, от рака горла.

«Они вонзили мне шило в самое горло...»

Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква «ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду».

Так заканчивалась поэма «Москва — Петушки», написанная за двадцать лет до того.

* * *

Пришла на сороковины Паше Митюшеву и Володе Тучкову грустная и счастливая идея — поехать всем вместе на легендарной электричке в незабвенные Петушки, почитать отрывки из поэмы, помянуть автора, стихи почитать, слова, может, какие к случаю сказать и совершить иные ритуальные действия.

...В час назначенный к Курскому вокзалу поднялась экзотическая группа человек в полста. Здесь были Венины друзья, поэты с надменной улыбкой, артисты неведомых студий, живописцы из живописных подвалов и вообще Бог весть кто.

Накануне я предусмотрительно одолжил в штаб-квартире тогда еще вмняемой «Демроссии» матюгальник на батарееках. «Хватит, — сказал я, — вашему матюгальнику таскаться по суетным политическим акциям. Пусть хоть раз послужит богоугодному делу». Матюгальник дали сразу. Ерофеевский авторитет был абсолютным.

И на перегоне Серп и Молот — Карачарово открыл я тогда в вагоне электрички первые Ерофеевские чтения (и немедленно выпил).

Всю дорогу до Петушков читались в переходящий матюгальник стихи и соответствующие перегону фрагменты поэмы, рассказывались народные сказки, легенды и мифы о Веничке...

Так мы приближались к месту назначения. В скверике на станции Петушки было сделано трогательное коллективное фото. Фото столь бесконечно любительское, что здесь и не воспроизведешь. Разве что опишешь: там все блаженно улыбаются на фоне тощего обелиска — точно такого же,

как во всех сквериках на всех станциях. Но на самой-самой макушке, где обычно шишечка, звездочка или вовсе ничего — маленький-маленький бюстик Ленина...

Может, именно отсюда — ерофеевская «Маленькая лениниана»?

* * *

А год спустя, в 1991-м, тоже никто предварительно ничего не планировал, не готовил. Но к маю как-то само собой стало ясно, что Ерофеевские чтения в электричке надо повторить.

Однако, как справедливо заметили еще древние, нельзя дважды войти в одну и ту же

Переходящий матюгальник

Индивидуальные Ерофеевские чтения-97

Театр МГУ. Ерофееву — 50 лет.
Справа от Ерофеева — Евгений Славутин, слева — Борис Мессерер

электричку. Прошлогодний матюгальник на сей раз уехал по России агитировать за Ельцина, а сам знакомый демфункционер, хозяин матюгальника, — уехал в Штаты на курсы по изучению нас оттуда.

Меж тем о предстоящих чтениях уже суетливо и неточно сообщила буйная перестроечная пресса, и на платформе № 5 с утра дежурили три разные телегруппы...

Киношники деловито и бесцеремонно тянули свои провода, тусовка — как некогда буржуазия — испуганно жалась по углам вагона. Ехать не хотелось.

Но уже накануне хитроумный Митюшев созвонился с Ниной Искренко, и, безошибочно просчитав варианты, они выдвинули идею альтернативных Ерофеевских чтений.

...И как только двери вагона захлопнулись за ничего не понимающим последним телешоуменом, мы зажгли свечи, и, отсчитав ровно 4 минуты молчания, вдали от заветного перегона Серп и Молот — Карачарово повторили прошлогодний ритуал.

На сей раз сосуды были украшены хрестоматийными цитатами. В частности, на мерзавчике, с тех пор соседствующем на моей книжной полке с бутылкой из-под мандельштамовского асти-спуманте, читаем:

«Я считаю, что поэту-президента должен занять человек, у которого харю с похмелья в три

Нет, я не о Веничке, пусть продолжают свой рассказ о нем друзья, чьи имена уже хрестоматийны, ибо вписаны в поэму «Москва — Петушки». Пусть продолжают творить изумительный Веничкин миф. И пусть продолжают вспоминать о Веничке — сбивчиво, горлопивно и сильно привирая — его случайные собывальники.

А моя цель скромнее: помянуть писателя Венедикта Ерофеева в годовщину его смерти на страницах газеты, которая присудила ему посмертно премию имени Андрея Синявского «За творческое поведение и благородство в литературе».

* * *

Фотографии на этой странице взяты из архива Студенческого театра МГУ. Собственно, там мы с Ерофеевым и познакомились. Театр Славутина, пожалуй, был на рубеже 90-х годов одним из излюбленных мест литературного андеграунда. Там же, в театре, мы праздновали и последний день рождения Венедикта Ерофеева...

дня не удаешь. А разве такие есть среди нас?»

Если вспомнить при этом, что на той же странице поэмы Боре как человеку высоких качеств поручается формирование кабинета, стоит ли сомневаться в пророческом даре российских гениев?

Итак, поэты и члены их семей, а также примкнувшие — опоздавшие на мемориальную электричку — двинули по Москве, пытаясь пересечь Садовое кольцо.

Куда? Разумеется, на поиски Кремля.

По пути, в одном из переулков у Чистых прудов, при сочувственном присутствии аборигенов зачуханного подъезда, в переговорной с которыми мужественно выступил Игорь Иртеньев, была открыта мемориальная доска, выполненная из белого благородного пенопласта:

В ЭТОМ НЕИЗВЕСТНОМ ПОДЪЕЗДЕ НА СОРОКОВОЙ СТУПЕНЬКЕ ПРОВЕЛ ПОЗОРНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ В ЖИЗНИ СВОЕГО НАРОДА ПИСАТЕЛЬ ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ

По окончании церемонии доска была закрыта и ныне находится уж и не знаю где.

Меж тем среди дальнейших акций, перипетий и перепитий

группа, я бы даже сказал, стайка, вышла на Чистые пруды, на скамейках над которыми и состоялись самые что ни на есть альтернативные Ерофеевские чтения, посвященные вечно живой проблеме поисков Кремля как в историческом, так и в социокультурном аспекте.

А потом как-то незаметно к часу небывало жаркого заката чтения перетекли с Чистых прудов на Патриаршие, где к нам присоединились те немногие, кто вернулся из Петушков.

* * *

В этом году уже седьмая годовщина. Электричка «Москва — Петушки», которой, слава Богу, еще вроде не присвоено имя почетного пассажира Венедикта Ерофеева, все так же по расписанию уходит с Курского вокзала. Но без Ерофеевских чтений. Может, оно и к лучшему.

Пусть каждый сам по себе откроет гениальную поэму «Москва — Петушки» и, как положено, начнет не с начала, а с главы «Серп и Молот — Карачарово» — и помянет Веничку, помянет великого русского писателя Венедикта Ерофеева.

Это, быть может, и будут истинные Ерофеевские чтения 1997 года...

● Евгений БУНИМОВИЧ